

ДЭНИЕЛ КРАУС

СБИТЫЙ АНГЕЛ

Перевод с английского: Наталия Осояну



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
К78

Daniel Kraus
ANGEL DOWN

Печатается с разрешения Atria Books,
a division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского: *Наталия Осояну*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Василия Половцева*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

ISBN 978-5-17-182719-9

Copyright © 2025 by Daniel Kraus
© Наталия Осояну, перевод, 2026
© Василий Половцев, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Посвящается
Майклу Ризи,
брату по оружию

— Но они омерзительные существа — выродившиеся твари низшего порядка. Как вы можете говорить на языке тварей?

Эдгар Райс Берроуз. Сын Тарзана

ÉLAN¹

¹ *Élan* — рывок, разбег (фр.). (Здесь и далее прим. пер.)

I

и Сирил Бэггер считает себя везунчиком, ведь он должен был уйти на повышение, откинуть копыта, дать дуба, сыграть в ящик, почить в бозе, лечь в землю, окочуриться, попросту сдохнуть, и не только сдохнуть, а разлететься на ошметки, ибо последним, что он видел, был снаряд, падавший прямо на него с грохотом крушения товарняков, да уж, шикарно выстрелил какой-то фриц, и есть в этом некая ирония судьбы, ведь Бэггеру нравится рыть могилы именно по той причине, что артиллерийские снаряды так далеко за передний край не залетают, один-единственный взял и залетел, как будто ночной кошмар стал явью, объятый алым пламенем череп низринулся с пронзительным воплем, оставив лишь секунду, чтобы подумать: «Старушка Фортуна наконец-то повернулась к Бэггеру задом»,

и тот свет, куда Бэггер плавно перенесся на краткий миг, оказался восхитительным местечком, где его снова обняла и обхватила длиннейшими ногами Мари-Луиза, *prostituée*¹, на которую он растранижил все свои франки, когда Сорокопуты из 43-й стояли на Вогезском

¹ *Prostituée* — проститутка (фр.).

фронте, где было красиво, сухо, тепло, тихо, где не проливалась ничья кровь, зато каждый вдох полнился ароматом «Розы Жакмино» Мари-Луизы, ее надушенных волос и перламутровой пудры, а каждый выдох колыхал рыжие крашенные пряди и кружевные штучки-дрючки на белье,

и совершенно не хочется, чтобы кто-то его тормозил и спрашивал: «Живой?» — на что Бэггер отвечает: «Нихера», — а кто-то нерадостно смеется и, схватив его под мышки, вытаскивает бесцеремонным рывком, словно акушерка, принимающая трудные роды, и новорожденный Бэггер, с трудом разлепив веки, покрывшиеся коркой из грязи, масла и треклятых слез, обнаруживает себя на краю могилы, которую копал в момент минометного залпа, только вот яма от взрыва увеличилась втрое и мертвецов, припорошенных негашеной известью да прикрытых тонким слоем земли, в ней тоже тройное количество,

и Бэггер оказался бы погребенным заживо, не случись рядом востроглазый рядовой, надо обязательно вознаграждать его сигареткой, однако Бэггер отвлекается на свежие трупы, устилающие окрестности, одному пехотинцу-пирожку почти оторвало голову чьей-то тазовой костью, другой испустил дух, собирая свои потроха в свой же ботинок, а третьего снарядом так расплющило, что хребет торчит из разинутого рта,

и Бэггер растерянно понимает, что все части тела при нем, включая пальцы на ногах, но каким же охренительным образом он выжил, если все вокруг него, судя по

открывшемуся зрелищу, распотрошены, разодраны и разбросаны, разве что труп, который он тащил на спине, принял на себя всю шрапнель, однако назойливый голос твердит, что случилось чудо, и это страшно бесит Бэггера, ведь прокляни его Господь, если он поверит в чудеса, застряв в аду,

и, доползая до более-менее твердой почвы, осознает, что на болотистом клочке земли между Аргоннским лесом и рекой Мёз наступила тишина, и ничто больше не вызывает подозрений, хоть тишина на Западном фронте — дело тонкое, поскольку у той или другой стороны постоянно зудит кое-где, и в очередной раз несколько сотен мужчин истекают кровью за считанные дюймы территории, погубленной до такой степени, что возжелать ее мог бы только помешанный,

и вот Бэггер, у которого перед глазами все плывет, садится и гонит прочь льнувший к коже грязный воздух, сизый дым и белесый, как катаракта, туман, и видит, как за диарейными холмиками грязи, за оплывающими воронками, из которых эта грязь изверглась, уползают на восток грузовики, телеги и колесные орудия, подсказывая, что 43-я дивизия III корпуса Первой армии США покинула позиции, судя по всему, не дожидаясь бэггеровской жалкой роты «П», вечно болтавшейся у бригады на крайнем левом фланге, словно пораженный гонорей член,

и Бэггер ищет свой ранец, находит, вытаскивает Библию, открывает, сует нос в то место, где страницы сходятся у корешка, вдыхает, и плевать ему на царей и

пастырей, плотников и пророков, просто влажный, зыбкий аромат красного кожаного переплета и древесный шорох тонкой гладкой бумаги, испещренной следами-полумесяцами, отпечатками отцовских пальцев, с ранних лет действуют на Бэггера как нюхательная соль, возвращая в тесный кабинет над церковью, где епископ Бернард Бэггер трудился над проповедями, в те времена, когда сердце Сирила, ныне полное дыма, наполнилось чем-то вроде надежды,

и лишь вдыхая, Бэггер чувствует сковавшую лицо хрупкую глазурь из засохшей крови, ясное дело, не его собственной, и приказывает себе не думать чьей, ведь лучше всего, когда смысла в крови не больше, чем в дожде, особенно в Аргоннском лесу, где осталось слишком мало деревьев, чтобы воспрепятствовать октябрьскому ветру, под которым кровь на коже засыхает в мгновение ока,

и хотя невозможно сказать, кто из парней пролил эту кровь, ее природа — совсем другое дело, ведь Бэггер за четырнадцать дней посреди урагана из мяса и свинца превратился в сомелье, способного различить терпкую и шипучую из плечевой артерии, густую и липкую, как патока,— из бедренной, мясной осадок ранений сердца, тошнотворный привкус любого из кишечных соков, а также артериальную кровь, которую он сейчас и слизывает с губ, будто соль с теплого лизунца,

и хорошо, что Библия рядом, помогает справляться с происходящим, Бэггер шумно, жадно вдыхает, заполняя пазухи ароматом ностальгии по уюту и умиротво-

рению, а потом неохотно прячет книгу и сует пальцы в ушные раковины, вытаскивая мягкие пробки из грязи и крови, поскольку, если хочешь выжить в окопном мире, слух куда важнее зрения,

и мирские шумы обрушиваются со всех сторон, и у Бэггера перехватывает дыхание от протяжного вопля, заглушающего всех и вся, опять летит минометный снаряд, такой же, как тот, который превратил его собратьев-копателей в фарш, о нет, вот дерьмо, но погоди-ка, постой, нет, это другое, не столько вопль, сколько визг, с точки зрения децибел не ровня артиллерийской мины, однако есть в нем какая-то пронзительная нота, сверлом вгрызающаяся в апокалиптический рокот, и звук подобной высоты ему еще не доводилось слышать,

и хотя на Ничейной земле полным-полно боевых машин на последнем издыхании, их предсмертные завывания банальны, как скрип дверной петли, а этот визг издает некое существо, ведь он живой, словно стоны удовлетворенной Мари-Луизы или зычные проклятия епископа Бэггера, и это может быть мужчина или женщина, человек или зверь, но чем бы оно ни было, оно умирает, умирает медленно, умирает громко, его агонизирующие стенания волнами устремляются во все стороны,

и Бэггер, и без того изнемогающий под гнетом грязи и крови, оседает сильнее от бремени жуткого осознания, что визг никогда не прекратится, в точности как никогда не прекратится война, никогда не прекратится жесто-

кая бойня, все это предложение в книге, мчащееся во весь опор без единой точки, задыхающееся от переизбытка запятых, предложение, которое можно начать, а закончить ни за что не получится, предложение, обреченное замкнуться само на себя, превратившись в чудовищное черное колесо, которое рано или поздно всех без исключения затянет в могилу,

II

и Бэггер вытирает лицо предплечьем, и пять фунтов
какого-то вещества шлепаются с его головы, видать,
мозги, кровь все-таки была его собственная, и посколь-
ку он уже хорошо изучил, как они выглядят, остается
лишь перевести взгляд на колени, чтобы убедиться, од-
нако там он видит лишь желтую глину, а в Аргоннском
лесу нет ничего тривиальнее желтой глины,

и, таращась на глиняные мозги, он подмечает голос,

и голос ощущается частью визга, его подтоном,

и Бэггер разбирается в подтонах, он вырос, окутанный
полифонией старого церковного органа, чьи верхний,
средний и нижний мануалы сплетались, как духовые,
струнные и язычковые, однако этот подтон рождает
пока что не изобретенная клавиатура, имя ей — «голос»,

и голос говорит: «Бэггер»,

и слово будоражит, оно как гул, рождающийся где-
то внутри его собственного тела, он чувствовал то же

самое, стоя под трубами в святилище, хотя епископ Бэггер сказал бы маленькому Сирилу, что это всего-навсего нечистая совесть копошится где-то внутри, однако с взрослым Сирилом Бэггером подобный фокус не пройдет, он слишком долго трудился, чтобы похоронить всю сентиментальную дребедень там же, где и сотни трупов,

и потому он игнорирует голос, это просто кости завибрировали в унисон с выстрелом из миномета, и полной грудью вдыхает смрад, ну ладно, Бэггер, твое подразделение на марше, нехорошо, но в остальном все по-прежнему, то бишь в полной заднице, снаряды гансов перечеркнули изломы траншей расселиной длиной в полумиллю, так что вместо основной, запасной и отсечной теперь всюду позиции четвертой разновидности, именуемой клочки по закоулочкам,

и Бэггер убеждается, что в этих закоулочках действительно по-прежнему обретается рота «П», мелькает хромой гориллой лейтенант Аквила, хрипло орет сержант Раш, но они не сидят контуженными болванами, а носятся как заведенные, то и дело натываясь на обвалившиеся стены окопов, отчего Бэггер задается вопросом, не свел ли их визг с ума, ведь и дурак поймет, что-то тут неладно, и если Бэггеру важна сохранность собственной шкуры, придется пустить в ход лисью изворотливость, что он и делал не один раз,



и Бэггер воображает, что рядом грозно висится генерал Джон Джозеф Першинг, требовательно спрашивает: «Где

ты находишься, рядовой?» — а он такой: «Во Франции, сэр!» — а генерал: «Поточнее, рядовой!» — и он в ответ: «Буа-де-Фе, сэр, где словом „буа“ лягушатники обозначают лес, сэр!» — а Першинг ему: «Очень хорошо, рядовой; по-твоему, это похоже на лес?» — и он такой: «Нет, сэр, но здесь, наверное, был лес пару лет назад, сэр, до того, как сюда вломились громадные тролли», а Першинг и говорит: «И как же этих троллей звали, рядовой?» — и он, вынуждая сурового старого командарма улыбнуться краешком рта, заявляет: «Марна, сэр, Верден, сэр, Сомма, сэр, — они тут все на хрен растоптали, сэр»,

и он смеется, это помогает сильнее, чем Библия, аллилуйя, знамя ввысь, и пусть там реет, Янки Дудль, твой час настал, рядовой первого класса Сирил Бэггер потихоньку вспоминает, каким был везучим старина Бэггер, Ловкач из Айовы, Пройдоха из Су-Сити, Мошенник из Каунсил-Блафс, Настоятель из Дубьюка, и какие там еще прозвища он заслужил вкупе с запретом появляться на половине речных судов на Миссисипи, куда, впрочем, сможет попасть снова благодаря ящику с всякими прибабасами, позволяющими изменить внешность, стоит лишь вернуться домой,

и он, опять оказавшись в Айове, вернется к старым схемам, жульничеству, «найденному кольцу», «залогу за долю», «подсолке шахты», «коту-в-мешке», «испанскому узнику», устроит и классическую «упавшую дыню», просто чтобы доказать, что еще на это способен, он ведь до того, как в армию загребли, даже изображал медиума, выдвигал из спрятанного кожаного наруча металлический штырь, чтобы со стороны казалось, будто